

Василий ЛАНОВОЙ

В деревушке, где по ночам небо в больших звездах, работает паромщицей мечтательная, с грустинкой девочка. Она смотрит, как рябит лунная дорожка на воде и вслушивается в тихий скрип медленного парама. И когда приходит в деревню пожилой бывалый человек, она отыскивает в памяти далекий, с детства запечатлевшийся образ и говорит пришельцу: «Я помню тебя, помню... Это было, когда деревья были большими...»

Вот и мои ровесники среди сотен и тысяч встреч наверняка запомнили одну. Это было, когда отцветали тополя. Это было, когда мы получали аттестат зрелости и за вазочками с мороженым спорили, кто куда теперь двинется. И прошел тогда перед нашими еще по-детски удивленными глазами черноволосый красивый парень, энергичный и самовлюбленный. Мы не по одному разу смотрели, как живет на киноэкране наш сверстник Валентин Листовский. И мы любили его не за то, что умеет здорово говорить, и не за то, что старается быть непохожим на других, а за то, что в конце концов он смог стать человеком.

С тех пор прошло уже

несколько лет. Мои одноклассники стали инженерами, геологами, врачами... Но свежесть восприятия той встречи, как и у девочек из фильма «Когда деревья были большими», осталась навсегда. И теперь, когда в наш работающий уральский город приехал на гастроли московский театр имени Вахтангова, мы встречаем одного из его молодых актеров — Василия Ланового как старого, близкого знакомого. Это ведь он, Лановой, в 1954 году познакомил нас со своей первой экранной ролью — Валентином Листовским.

Для свердловчан Лановой — это прежде всего актер кино. А сейчас мы видим его на театральной сцене, и к образам, которые знаем давно, прибавились еще его Алексей Бережной, принц Калаф и неисправимый Дон Гуан в пушкинских маленьких трагедиях.

Но сначала все-таки о кино. Фильм «Павел Корчагин» вышел на экраны в 1957 году. Ставили его молодые талантливые режиссеры А. Алов и В. Наумов. И хотя в те годы Алов и Наумов не отводили еще подавляющего значения в фильме игре актера, акцентируя внимание на символике деталей, образ Корчагина вывернулся достаточно ярко.

В принципе это был тот же Павка, что и в романе Островского. Волевой, самоотверженный, чуткий, имеющий в жизни огромную, кристально ясную цель. Но в то же время мы увидели немного другого Павку — Павку, явившегося к нам через годы, чтобы напомнить тем, кто родился под безоблачным небом: ваша светлая жизнь далась поколению Корчагиных нелегко! И мы видим порывистого и отчаянного Павку — Ланового с шашкой на коне, решительного и принципиального в сцене, исполненной большого накала, когда не приехала смена голодным и измученным строителям узкоколейки. Уверенный взгляд серо-карих глаз, твердый волевой подбородок. И сдержанность, удивительная сдержанность, когда слова сами просятся наружу, когда рядом любимый человек. Павка осторожно и нерешительно спрашивает Риту Устинович: «Рита, товарищ мой дорогой. Можем ли мы, имеем ли мы право?» А мимо идут подводы, и ноги умерших от голода торчат из-под рогожки... И Павка молчит. Не время любить.

Здесь, в роли Павки, Лановой очень искренен, буквально в каждом жесте и взгляде. И эта актерская искренность определяет, пожалуй, основную черту его исполнительской манеры как в кино, так и в театре.

Актерские удачи Ланового в фильмах, по-моему, объясняются еще и тем, что Василий играет своих ровесников. Ему близок и очень понятен их внутренний мир, во многом — склад их характера. Потому что сам он в жизни

тоже искатель. Начав с драмкружка в Доме культуры завода имени Лихачева, с объявления в «Вечерней Москве» о конкурсе на исполнителя главной роли в фильме «Аттестат зрелости», он пришел в большой кинематограф и на сцену одного излучших драматических театров страны.

Далеко не каждый актер может сниматься в кино и одновременно выступать на сцене театра. На сцене артист должен ежесекундно чувствовать контакт со зрителем, уметь, как выразился сам Лановой, «перекидывать свои чувства через рампу». А киноактер узнает отношение зрителей к своему герою только по выходе фильма на экраны. Но Василий Лановой сочетает в себе талант киноактера и актера театра. И это счастливое сочетание.

В нескольких спектаклях вахтанговцев Лановой исполняет главные роли.

В «Алексее Бережном» Василий выступает в главной роли. Он снова — почти ровесник своего героя, Автор пьесы (поэмы) Е. Р. Симонов проявил себя больше как режиссер, нежели драматург. И потому бедность драматургической канвы во многом сковывает актеров. Но тем не менее образ Алексея Бережного, обыкновенного парня, безвременно погибшего на войне, встает перед нами в полный рост.

Мне пришлось смотреть «Алексея Бережного» дважды. В первый раз Алексей играл Вячеслав Шалевич, во второй — Василий Лановой. Это были два разных Алексея. И каждый по-своему хорош. Если во вступлении к поэме Шалевич говорит с большим пафосом, то Лановой делает это лиричнее, с раздумьем. Если герой Шалевича очень скромен и застенчив (сцена встречи с Валецкой), то Алексей — Лановой — паренек уже по-мужски уверенный в себе.

Есть у Ланового две роли, которые намечают собой новую линию в его творчестве. Параллельно с образами ребят корчагинского племени он создает

образ принца Калафа («Принцесса Турандот») и Дон Гуана («Каменный гость»).

Если в «Принцессе Турандот» почти все актеры иронически относятся и к самим себе и к героям К. Гоцци, то Калафу — Лановому больше приходится играть «на полном серьезе». Ведь на Калафе держится вся сюжетная линия, и лишь в отдельные моменты Лановому удается включиться в общую ироническую настроенность.

Например, в третьем акте перед визитом в диван принц Калаф твердо уверен, что его сегодня казнят. И он размышляет. Он очень серьезно произносит страстные монологи: «Твой взор, жестокая, моей упьется кровью!» (При этом Лановой ударяет себя в грудь собственной туфлей). «Жизнь, улетай! От смерти не уйти!» (Садится и надевает туфлю).

Пушкинская мудрость, отраженная в образе Дон Гуана — красавца, обманщика, обольстителя, почувствована актером до конца. И Лановой — Дон Гуан снова предельно искренен. Он не фальшивит, нет, когда клянется в любви Лауре, он не лжет, когда соблазняет Донну Анну. Он сам верит, что влюблен. И мы верим ему. Но что может поделать со своей непостоянной натурой Дон Гуан. И после свидания на кладбище, добившись взаимности Донны Анны, Дон Гуан громко, истерически хохочет, катаясь по полу, в восторге от того, что Пушкин позволил ему легко одержать казалось бы невозможную победу.

...Гастроли в Свердловске закончатся к исходу июля. И так же, как когда-то Валентин Листовский, останется в нашей памяти Алексей Бережной, Дон Гуан, принц Калаф... А Василий Лановой пойдет дальше. И, может быть, скоро мы узнаем, что сбылась его мечта сыграть Гамлета, Фердинанда, а самое главное — гражданского «капитатора, горлана, главаря» В. В. Маяковского. С. ИЛЬЧЕВА.

